

Шарлотта убедилась, что первым делом нужно увидеть Европу: Родерик ничего не добьётся в жизни, если не станет по-настоящему образованным человеком. Кажется, он готовил себя к будущей профессии — развивал свой «хищный глазомер». Однажды он вернулся домой потрясённый — нашёл в обнажении на вершине горы морские раковины. На месте горы когда-то плескалось море! Увидел, восхитился — и забыл.

Его теперь занимали архитектура и живопись. Он заболел античностью: «Старый Гораций не мог бы восхищаться вечерней прогулкой более меня. Древний Рим действительно существовал для меня, и Тибр не мог изменить направление своего течения. Я взглядом поднимал упавшие колонны, возрождал руины».

Он составил путеводитель по древнему Риму. Лунной ночью он бродил по Колизею. Байрон был его гидом:

*Покуда Колизей неколебим,
Великий Рим стоит неколебимо.
Но рухну Колизей — и рухнет Рим,
И рухнет мир, когда не станет
Рима.*

*Я повторяю слово пилигрима,
Что древле из Шотландии моей
Пришёл сюда. Столетия
мчатся мимо,
Но существуют Рим и Колизей...*

В безлунную ночь под градом камней Родерик поднялся к огненному кратеру Везувия и прокатился по затвердевшей коре потока — при свете молний, прорывающих тучу пепла.

РОДЕРИКУ УЖЕ 33 ГОДА, ВОСЕМЬ ЛЕТ ПОТРАЧЕНО НА ДУРАЦКУЮ ОХОТУ

Ему уже 26 лет. Шарлотта считала, что два года странствий по Европе были для Родерика более важными, чем восемь армейских лет. Он стал разбираться в искусстве лучше, чем она сама. Однако впереди его ждала другая соблазн.

«По всему видно, что автор — какой-нибудь румяный провинциальный джентльмен, выросший на кровавых ростбифах, не снимающий красного охотничьего фрака и ботфуртов и без

устали травящий лисиц». Кажется, что это портрет Родерика. На самом деле таким представлялся читателям болезненный Стивенсон.

После Европы новое занятие — охота на красных лисиц. Он стал одним из лучших, если не лучшим ред-фокс-хантером Северной и Центральной Англии.

РОДЕРИК БРОСИЛСЯ В ГЕОЛОГИЮ СО ВСЕМ РВЕНИЕМ ОХОТНИКА НА ЛИС

Парфорсная охота на лис в то время была в Британии национальным видом спорта. Дело доходило до того, что при открытии сезона пустел парламент и жизнь затихала. Это охота без выстрелов, главное в ней — бешеная скачка по пересечённой местности; надо найти нору лисицы, откопать рыжую, затравить её собаками!

«Благородная наука охоты на лис, — писал Родерик, — была в то время моей самой большой страстью. На севере я приобрёл некоторую репутацию. Сначала меня не очень ценили как твёрдого всадника. Тогда я начал большую игру — прежде всего за пару лет расширил свою конюшню».

Охотничий журнал Родерик вёл ежедневно, с присущей ему обстоятельностью: с кем ездил, с кем обедал, кому наносил визиты, подробно описывал каждый выезд. Он вёл таблицы с колонками, в которых скрупулёзно отмечал работу каждой из 12 собак.

Шарлотта в отчаянии: что делать? Родерик уже 33 года, восемь лет потрачено на дурацкую охоту. Она знакомит мужа с соседом — Гемфри Дэви, знаменитым физиком. Тот убеждает Родерика в радости познания — в науке есть свой азарт, свои приключения — приключения мысли. Шарлотта всячески помогала соседу — она так устала от красных лисиц. И она победила. Родерик продал лошадей и собак. Его стол теперь завален книгами по химии и геологии. Он

обратил внимание на Землю, Землю с большой буквы. Он по натуре был преследователь, и это качество касалось не только красных лисиц.

И вправду — слои, обнажённые на склоне холма, можно проследить и на соседнем холме. А куда они идут дальше, эти слои? Вот же он, этот пласт, и в нём раковины, присущие только ему — древнему красному песчанику, old red sandstone, «олд реду»! Вот где азарт! Может быть, дело тут в мальчишеской тяге к кладоискательству, которой, как писал Ефремов в своей «Дороге ветров», очень многим обязаны такие науки, как археология, палеонтология и геология.

Родерик бросился в геологию со всем рвением охотника на лис.

— Я сегодня продрался через вересковую пустошь, протащил слои красных цветов на четыре мили. Лотта, полкоролевства за чарку виски!

— Дик, милый, мне не нужно полкоролевства! Мне нужна вся Земля!

— Считаю, что она твоя! А когда спустишься с небес, приготовь мне порцию хаггиса из доброго бараньего рубца, начинённого потрошками со специями. Только ты можешь приготовить настоящий шотландский хаггис...

Теперь у него, великого дилетанта, не будет никакой другой работы, кроме геологии. Начинаясь другая погоня.

У Родерика, несомненно, был талант дружбы, так ценный в геологической среде. Сам «отец английской геологии» Бекленд брал новичка-энтузиаста в маршруты, посвящал в азы геологии. А первым другом Родерика стал насмешник Адам Седжвик, священник, кембриджский профессор. У него резкие черты гордого лица, орлиные глаза. Ясно мыслящий, щедрый, иногда склонный к ипохондрии, прочно сидящий «в болоте безбрачия», он год за годом собирал и анализировал факты, не допуская никакой фальши. Он был не чужд поэзии, дружил с самим Вордсвортом, почитатель Смита. Тот пришёл к геологии от профессии строителя дорог и знаменитых британских каналов, удлинявших фиорды, «лохи», как зовут их в Британии.